

Пастернак Б. А.

7/11 88

УСЛЫШАТЬ БУДУЩЕГО ЗОВ

По концертным залам

В конце мая бурно цветет сирень. И даже в городе, густо пропитанном выхлопными газами, зеленый пояс бульваров наполняется нежным запахом тяжелых фиолетовых гроздей.

Борис Пастернак любил сирень больше других цветов. И так уж суждено было распорядиться судьбе, что и смерть пришла к нему 30 мая, в самую пору сиреневого половодья. Вот уже 28 лет в грустную годовщину неизменно текут людские ручейки с букетами сирени в руках от переделкинской железнодорожной платформы к тихому поселковому кладбищу, где под тремя могучими соснами на простом сером камне высечен гордый чеканный профиль поэта. Тихо сидят на длинной скамейке люди, кто-то негромко читает стихи, молчат, думают, вспоминают. А белые и фиолетовые гроздья все гуще устилают подножие скромного надгробья. И, словно чья его память, бушует сиреневое половодье по всему переделкинскому кладбищу.

Так было все и на этот раз. Только среди сиреневого ковра, устилавшего могилу, выделялся букет изысканных, непривычных здесь цветов. Орхидеи возложила супруга президента Соединенных Штатов Америки Нэнси Рейган.

...У нас как-то не принято вспоминать о людях в дни их ухода из жизни, вспоминают обычно в дни рождения. Но тот вечер, что прошел во Дворце культуры завода имени Владимира Ильича 29 мая, можно, по-

жалуй, назвать скорее днем рождения, нежели памяти. А назывался он просто — «Борис Пастернак. Жизнь и творчество». И самое отрадное в нем было, может быть, то, что вечер собрал очень разную во всех отношениях человеческую массу, объединенную одним стремлением — приобщиться к наследию большого писателя со сложной и трагической судьбой.

На моей полке стоит сборник стихотворений и поэм Б. Пастернака, изданный в 1965 году в серии «Библиотека поэта». Солидный том в семьсот страниц с предисловием, примечаниями и пространной вступительной статьей. Но нигде ни единым словом не сказано в нем о травле поэта в известные годы, его исключении из Союза писателей, гонении на его поэзию и прозу. И только в примечаниях к циклу «Стихи из романа» вскользь упоминается: «Роман «Доктор Живаго» в Советском Союзе не издан; опубликование романа (в 1957 г.) за границей (первоначально в переводе на итальянский язык) вызвало резкий протест советской общественности».

Сегодня Борис Пастернак весь — поэт, прозаик, блистательный переводчик — возвращается нашей культуре.

Соединить в одном вечере творения самого поэта и то, что любил он в искусстве, попытался Георгий Бальян, режиссер и один из исполнителей на этом вечере-концерте. И, конечно же, огромный интерес вызвали «Слово об отце» Евгения Бо-

рисовича Пастернака и его же «Реквием», написанный на смерть отца, и «Слово об учителе» Андрея Вознесенского, вспоминавшего и свои встречи с Б. Пастернаком, начиная со дня, когда еще школьником он впервые увидел его, и кончая горестным днем похорон. Заучала на вечере музыка Б. Пастернака в исполнении пианиста и композитора Игоря Гусельникова, две прелюдии, написанные Пастернаком в возрасте 14 лет, романсы на его стихи, произведения Скрябина, Шопена, Брамса, которые он особенно любил. А главное, звучала его поэзия в тонкой, изящной интерпретации Вячеслава Сомова, его проза — «Охранная грамота», глубоко прочувствованная и взволнованно переданная Александром Кутеповым, и фрагменты программы «Жить, думать, чувствовать, любить», исполняемой Г. Бальяном, в которую вошли произведения самого Б. Пастернака и А. Вознесенского, посвященные ему. А со сцены строго и, казалось, требовательно смотрел на зрителей поэт с фотографии, снятой незадолго до смерти, и дымился нежным лиловым цветом огромный букет сирени.

В одном из стихотворений Б. Пастернака, прозвучавшем на вечере, есть слова — «услышать будущего зов». Пророческие слова. Он, поэт, этот зов слышал. Знал и верил, что будет услышан грядущими поколениями.

Н. БАЛАШОВА.

МОСКОВСКИЙ ПИИДЖИ
Г. Москва

7/11 1988